

На Курской дуге, у Крутого Лога

Иван Андреевич СЛУХАЙ
Командир минометного взвода 73-й гвардейской
Сталинградской стрелковой дивизии, ныне председатель
Московского комитета ветеранов войны, генерал-майор

Наступление наших войск на Харьковском направлении после Сталинграда встретило жестокое сопротивление. Противнику не только удалось остановить наши соединения и части, но и перейти в наступление, 16 марта 1943 года захватить Харьков и двинуться на Белгород. В результате широкомасштабного наступления Белгород 18 марта был захвачен фашистами.

НАШЕ командование разгадало маневр противника и спешно перебрасывало войска из-под Сталинграда, освободившиеся после разгрома окруженной группировки, навстречу его наступающим соединениям. Наша 73-я гвардейская Сталинградская (бывшая 38-я) стрелковая дивизия, вступив сходу в бой, остановила противника на реке Северский Донец, непосредственно под Белгородом, и в так называемом Старом городе заняла оборону.

Противник не мог смириться с создавшейся обстановкой и постоянно атаковал наши войска, в том числе и 73-ю гвардейскую Сталинградскую стрелковую дивизию, нередко делая вылазки через Северский донец с целью захвата плацдарма на его левом берегу. Наш батальон находился в резерве командира дивизии с задачей охранять командный и наблюдательный пункты соединения и быть в готовности к ликвидации прорыва, если такой случится в районах обороны 229-го, 211-го и 214-го стрелковых полков дивизии.

27 марта такой прорыв противника в полосе обороны дивизии состоялся. Переправляясь на левый берег Северско-го Донца, фашисты пытались развить успех. В этот прорыв был брошен наш батальон, в том числе и минометная рота, в которой я находился. Батальон успешно выдвинулся на заданный рубеж и преградил путь немцам для дальнейшего продвижения. Здесь мне было приказано командовать минометным взводом. Помощником командира взвода был опытный минометчик, тоже сталинградец старший сержант Псяр, который очень умело подкреплял мои теоретические знания практикой. Хотя до этого мне приходилось участвовать в ведении огня из 82-мм миномета по противнику, но то была заранее спланированная стрельба с выносных огневых позиций с последующим перемещением на основные. Здесь же был жаркий динамичный бой. Противник, потеснив передовые наши части, лез напролом, захватил плацдарм на левом берегу Северского Донца с последующим развитием успеха. Несмотря на стойкость стрелковых рот нашего батальона, им приходилось под натиском превосходящих сил противника отступать, и вскоре огневые позиции нашей минометной роты оказались под ружейно-пулеметным огнем фашистов. Патронов они не жалели.

Вскоре из строя вышел в результате пулевого ранения наводчик одного из минометов взвода Синицын. Его заменил младший сержант Александр Старыгин.

Старыгина заменил мой помощник Псяр. Теперь вся ответственность за боевые действия легла непосредственно на меня. Бой длился уже более часа, и мое волнение улеглось. Перед собой я ставил три задачи: не ударить по своим, четко поражать наиболее успешно действующие огневые точки противника и постоянно пополнять запас мин. Первые две задачи я решал и решал успешно с помощью командира роты, он по телефону с наблюдательного пункта давал команды по каким целям вести огонь и четко указывал ориентиры. А вот доставка мин вызывала у меня озабоченность, т.к. подносчики мин выходили один за другим из строя, а огонь надо было вести непрерывно. Пришлось подключать к выполнению этой задачи и командиров расчетов, т.к. без мин они оказывались не у дел.

Очень поддерживало то, что командир роты младший лейтенант Ермаков команды подавал спокойно, словно на учениях, и после каждого удачного минометного поражения указанных им целей кричал в трубку: "Молодец, Иван, так держать!".

Бой длился весь день. К закату солнца немцы ослабили натиск, а ночью совсем успокоились. Командование дивизии укрепило передовые полки личным составом и снаряжением, необходимым для завтрашнего боя. Батальону было приказано отойти на новые рубежи с той же задачей: надежно прикрывать наблюдательный и командный пункты дивизии и быть готовыми к завтрашнему бою. Если противник не отойдет сам за Северский Донец, то оказать помощь передовым полкам в наступательном бою, с предрассветной атакой сбросить фашистов в реку.

Планируя наступление (контрудар), командир дивизии полковник С. А. Козак позаботился и об огневой поддержке. Стрелковые роты батальона были отведены с занимаемых позиций, уступив место передовым полкам, а минометная рота осталась на старых огневых позициях.

Ночью роту навестили командир батальона майор Жвания и заместитель командира батальона капитан Кузьменко. Они похвалили личный состав за умелые и отважные боевые действия. Командир батальона обещал подослать нам пополнение вместо выбывших подносчиков. К утру все расчеты были укомплектованы. Запас мин пополнился. Огневые позиции дооборудованы до уставных требований.

Все эти заботы не позволили уснуть, и к утру появилась какая-то вялость, вызванная, видимо, усталостью. Но, получив приказ быть в готовности к открытию огня, усталость улетучилась. Командир роты перед уходом на наблюдательный пункт поставил боевую задачу и указал, какие огневые точки подавать в первую очередь.

В установленное время наша артиллерия открыла огонь по противнику. Нам командир роты приказал огня не открывать, а быть готовыми сразу накрыть оставшиеся "живыми" огневые точки фашистов, как только наша пехота пойдет в атаку.

И вот настал и наш черед. Как только артиллерия перенесла огонь в глубь обороны противника, наша пехота пошла в наступление. И оказалось, что там, где, думали, ничего не осталось живого у врага, вдруг "заговорили" пулеметы. По ним был немедленно открыт минометный огонь. Особенно он был успешным по заранее засеченным точкам. Успешно подавлялись минометным огнем и те, которые появлялись вновь. Противник, видимо, не ожидал наступательных действий с нашей стороны и вынужден был отступить и по заранее наведенной переправе отойти на правый берег Северского Донца. Командир роты дал целеуказание: бить по скоплению фашистов на переправах. Мы с большим наслаждением слали мину за миной по целям, нанося солидный урон врагу.

Часам к 12 дня бой стих. Наша пехота окапывалась. Было очевидно, что среди бела дня фашисты не полезут форсировать реку. Мы получили задачу с наступлением темноты убить в расположение своего батальона, а пока днем по возможности засекали и уничтожали огневые точки и живую силу противника.

Ночью на наших огневых позициях нас встретил командир роты младший лейтенант Ермаков и сделал разбор боевых действий. Многим минометчикам объявил благодарность, похвалил и мои действия. Ротный поставил задачу привести расчеты в боевую готовность, установить дежурство, а затем отдыхать. Я в свою очередь пытался лично проследить за выполнением приказа командира роты. Но ко мне подошел помощник командира взвода Псяр и чисто по-братски сказал: "Идите отдыхать, я за всем прослежу". Сомнений не было, что он это выполнит, и я направился в свой уголок в траншее, чтобы за двое суток вздремнуть хотя бы часок-другой. За мной последовал парторг батальона Чумаченко и предложил отдохнуть вместе. Я еще плохо знал капитана по личным впечатлениям, но по рассказам мне было известно, что это добрый, до безрассудства отчаянный человек, заботливый товарищ. Я принял его предложение. Расстелив плащ-палатку, другим плащом укрывшись, мы улеглись в траншее, но сон как-то не шел. В голове прокручивались элементы двухдневного боя. Распирала радость, что меня даже похвалили.

Мои мечты прерывал капитан. Оказывается, он хорошо знал мою биографию: как я до войны учительствовал; как был избран нештатным вторым секретарем райкома комсомола; как успешно учился в Одесском пехотном училище; как вел себя на станции Вайлуки, когда фашистская авиация безнаказанно уничтожила скопившиеся там эшелоны с людьми, техникой и вооружением; как из-под огня вытаскивал раненых, рискуя сам там остаться. Наконец, задал вопрос: "Почему вы не вступаете в партию?" Я ответил, что до армии мне не было 18 лет, а в армии не нашлось тех, кто бы мог за меня поручиться, имея трехлетний партийный стаж, да и знал бы меня не менее года.

- Это так, - подтвердил Чумаченко, - но сейчас вы можете вступить в партию на льготных условиях, как отличившийся в бою. Одну рекомендацию я вам дам, другую даст командир роты, я с ним уже говорил.

Мы оба замолчали. Я понимал, что он сказал все, что думал, и дает мне время осмыслить сказанное. Незаметно мы оба уснули. Но с рассветом возобновилась артиллерийская и пулеметная стрельба, и мы оба проснулись. Я попросил у капитана разрешения уйти во взвод и привести его в боевую готовность. Он незамедлительно ответил: "Конечно, конечно, и я с вами. Но вы не дали мне ответ на мое предложение". Я казал, что согласен, и сердечно поблагодарил его.

Взвод был готов к бою. Мой помощник уже проверял готовность каждого расчета. И тут я подумал: "Какие люди окружают меня. Да с ними готов идти на любое задание, выполнять любую задачу". Вскоре я, как отличившийся в бою, был принят кандидатом в члены Коммунистической партии.

После длительных жарких упорных боев фашисты "остепенелись". Стали реже организовывать атаки, но артиллерийский и минометный огонь вели интенсивно. Количество людей в передовых батальонах таяло, но боевой дух наших воинов был высок. Солдаты и офицеры, закаленные в боях под Сталинградом, каждодневно демонстрировали героизм и отвагу.

В НАЧАЛЕ июня дивизия была выведена для получения пополнения. Находясь в лесу, в километре от передового края, командир 214-го гвардейского Воропоновского

стрелкового полка подполковник В. И. Давыденко сразу же организовал напряженную боевую подготовку.

Мы начали отрабатывать боевые действия в обороне, а к концу месяца - в наступлении. Командиры и политработники доводили до личного состава складывающуюся боевую обстановку. Честно и откровенно говорили о сложности выполнения новых задач, настраивали солдат, сержантов и офицеров на стойкость и умелые действия в предстоящих тяжелых боях в обороне и наступлении. Все понимали, что фашисты рано или поздно перейдут в наступление, чтобы взять реванш за Сталинград. Тщательно готовились к предстоящим боям под руководством командиров-сталинградцев. К концу июня полк был готов к боевым действиям.

И день страшных сражений настал. 5 июля рано утром, после длительной артиллерийской и авиационной подготовки, наши войска перешли в наступление. 73-я гвардейская Сталинградская стрелковая дивизия часам к 10 утра получила задачу выдвинуться в район Крутого Лога и принять на себя удар прорвавшегося противника. Заняв указанную позицию, дивизия, по сути, сразу вступила в бой. Фашисты, прорвав оборону передовых частей, надеялись на развитие успеха, но натолкнулись на подразделения хорошо подготовленных, смелых и решительных Сталинградцев, которые стояли насмерть, не отступая ни на шаг. Все попытки врага сломить сопротивление гвардейцев не принесли ему желаемых результатов.

К концу июля гитлеровцы, потеряв большое количество людей и техники, вынуждены были приостановить наступление и перейти к обороне. Но командование советских войск приняло решение перейти в контрнаступление. Оно развивалось успешно и в полосе 73-й гвардейской Сталинградской стрелковой дивизии. Противник под мощным ударом не только оставил захваченные в начале июля позиции, но и бежал на исходные позиции, на правый берег Северского Донца.

209-й гвардейский полк дивизии на плечах фашистов форсировал реку, но натолкнулся на хорошо оборудованную оборону врага. Полк вынужден был перейти в оборону, постоянно отбивая яростные атаки фашистов. Командир дивизии принял решение пополнить истекающий кровью полк в ближайшую ночь. Для этого необходимо было переправить через реку так необходимое в складывающейся обстановке подкрепление.

Наш стрелковый батальон находился в резерве командира дивизии с задачей прикрывать наблюдательный пункт соединения и быть в готовности переправиться на правый берег Северского Донца для развития успеха уже захватившего там плацдарм 209-го гвардейского стрелкового полка, понесшего при этом значительные потери. Была надежда, что полк продержится до ночи, а ночью получит подкрепление в лице нашего батальона, который к тому времени насчитывал 272 человека.

ВРЕМЯ медленно тянулось. Солнце никак не двигалось к закату. Вдруг команда: "Накормить личный состав и выдать сухой паек на трое суток. Все поняли: развязка приближается. Командование оперативно организовало питание людей, понимая, что после переправы сделать это будет невозможно.

Пригорок, который служил нам прикрытием от наблюдения противника, спасал нас относительно, т.к. то и дело один за другим следовали артолеты и нередко достигали цели. Часам к трем дня мы уже потеряли более 10 человек убитыми и ранеными. Спасали нас хорошо заранее оборудованные окопы. А там, где они уже были разбиты, пришлось отрыть щели и укрываться в них от огня фашистов.

В 16.30 поступила команда: офицерам явиться к командиру батальона. Опытный фронтовик-сталинградец майор Глазков отчетливо понимал, что долго задерживать офицеров нельзя. Опасно. Одним снарядом противник мог вывести из строя весь командный состав и сделать батальон небоеспособным.

Он четко поставил задачу на выдвижение к реке и ее форсирование, установил очередность подразделений. Через некоторое время первая группа во главе с разведчиками стала выдвигаться. Противник не дремал. Сразу открыл артиллерийско-минометный огонь. Появились первые убитые и раненые. Среди тяжело раненых оказался и командир батальона. Командование подразделением было приказано принять начальнику штаба капитану Вершигорову. Первые взводы, ведомые разведчиками, уже достигли берега реки, который простреливался противником. Фашисты били по району переправы и нередко достигали цели. Число убитых и раненых росло с каждой минутой.

Переправу саперы соорудили оригинально. Через реку они натянули тросы, а на них навязали доски длиной сантиметров 80. Получился "чертов мост". Он был неустойчив, особенно сильно раскачивался, когда люди стремились ускорить передвижение, чтобы быстрее оказаться на другом берегу.

Мой минометный взвод переправлялся за второй ротой, когда уже окопы на подходе к реке были разбиты снарядами и минами врага. Двигаться пришлось практически по открытой местности, иногда наступая на тела своих, только что погибших товарищей.

Впереди меня бежал рядовой Медведев - рослый, сильный парень с минометной плитой за спиной. Вес самого воина, да еще 16-килограммовый добавок на плечах сильно раскачивали навесную переправу. Я старался чуть отстать от него, так, мне казалось, будет устойчивей переправляться. В очередной минометный налет противника фашистская мина угодила между спиной и минометной плитой Медведева. Взрыв. На моих глазах обезглавленное тело солдата падает в воду, блеснули большие Кировские довоенные часы на руке. Висящий мостик сильно качнуло, и я не удержался, полетел в воду. Главная мысль была: уцепиться за мостик. Это мне удалось. Подоспевший солдат поддал приклад винтовки и я, ухватившись за него, снова оказался на "чертовом мостике". Пока я проделывал эту процедуру, впереди идущие оказались уже почти на другом берегу. Не имея особой тяжести за плечами, и, видимо, под давлением страха, я побежал бегом, несмотря на зыбкость мостика, и вскоре оказался на той стороне.

Приводить себя в порядок было некогда. Надо было быстро выбрать огневую позицию, установить уцелевшие минометы и открыть огонь. Благо взвод почти весь оказался в сборе, и даже были доставлены мины.

Только приготовились к бою, как последовала команда: "Огонь!". Противник решил еще не закрепившийся наш батальон сбросить в реку вместе с остатками 209-го стрелкового полка, изо всех сил державшегося до нашего прихода.

Бой был страшный. Фашисты, расположившиеся на высоком берегу, вели губительный огонь по батальону, часто переходили в атаку. Но получив достойный отпор, откатывались на свои хорошо укрепленные позиции.

Против нас действовало губительное солнце. Оно к вечеру било прямо в глаза, мешало пехоте вести прицельный огонь. По цепи прошла команда экономить боеприпасы, бить только прицельно.

Трое суток батальон находился в тяжелейшем положении. Питание закончилось. Боеприпасы на исходе. Рация была разбита осколками мины в первый же день. Связи не было ни с соседями, ни с командованием дивизии.

Прилетевший на рассвете четвертого дня "кукурузник" сбросил несколько мешков с патронами и сухарями, без парашютов. Но поскольку плацдарм наш был узеньким, то часть мешков угодила в реку, часть к немцам. То, что досталось нам, тоже не особенно радовало, т.к. сухари, упав с высоты в бумажных мешках, превратились в крошку, и делить их приходилось буквально ложками. А те, что выловили следующей ночью в реке, превратились в тесто, пропитанное грязной жижей. Патроны пригодились сразу же, т.к. позавтракав, немцы пошли в очередную атаку, которая, как и все другие, была отбита с большими потерями с обеих сторон.

Накопилось много убитых и раненых. Первые лежали и разлагались на палящем солнце. Вторые нуждались в медицинской помощи. Но ее не было ни на нашем берегу, поступала она с того берега. Люди умирали от потери крови и загноения ран.

Исполняющий обязанности комбата капитан Вершиго-ров ночью собрал офицеров, рассказал обстановку. Было принято решение послать через реку к командованию дивизии связного сержанта Старыгина и передать, что оставшимися силами мы удерживать плацдарм долго не сможем. Выход один - атаковать противника, сбить его с высоты и дать возможность переправиться подкреплению. Попросили подкрепить нашу атаку артиллерийским огнем. А свой передний край батальон обозначит красными ракетами.

Чуть забрезжил рассвет, как вдоль нашего переднего края взвились в воздух красные ракеты. И тут же грянул гром нашей артиллерии. Надо сказать, что подавляющее большинство снарядов легло в цель и лишь отдельные из них ударили по своим. В заключение прогремел залп "Катюш". Мы все - от командира батальона до солдата и даже многие раненые - ринулись в атаку. Все понимали, что только в этом наше спасение.

Атака была дерзкой. Мы бежали в гору на хорошо укрепленные позиции врага. Накопившаяся злость и безвыходность положения толкали нас вперед. И мы достигли цели. Сбили противника с высоты. Теперь он не просматривал берег. Но двинуться дальше не было сил. Стали спешно закрепляться на занятом рубеже. Надежда была на пулеметы, винтовки, автоматы. Минометы бездействовали. Не было мин. Минометчики стали рядовыми стрелками.

Командир батальона приказал мне организовать сбор раненых и снести их к месту переправы. Я бодро взялся за это дело. За остаток дня и ночи выполнил приказание комбата и с приподнятым настроением возвращался к командиру батальона - доложить, что его приказание выполнено.

Чтобы не сбиться с пути в лесу, я держал в левой руке провод нашей связи. Да так увлекся, что потерял бдительность. Поднял голову, а метрах в 10, тоже держась за этот же провод, навстречу идут два немца. Они меня тоже заметили. Остолбенели. Из-за деревьев им не было видно один я, или со мной есть еще люди. Один из них осмелел и даже стал меня подзывать к себе: "Ком, гер", "Ком, гер". У меня мгновенно сработала настороженность. Я вскинул автомат и дал очередь. Первый фашист упал, второй стал убегать. Очередь моего автомата не достала его, так как он вилял между деревьями, и пули не достигали цели.

Я не стал ждать развязки, рядом с этим же проводом побежал назад. Встревоженные моими выстрелами, ко мне бежали на выручку два солдата. Теперь я

осмелел. Вернулись к убитому немцу. Забрали автомат, патроны и кое-что из мелочи: часы, фляжку со спиртным, авторучку (у нас она была редкостью) и пришли к командиру батальона. Доложили о случившемся. Он пожурил меня за потерю бдительности и приказал возглавить группу солдат для прикрытия фланга, т.к. от реки мы уже оторвались, а соседей справа и слева не было. Видимо, по этой причине я напоролся на двух фашистов.

Окопавшись и, по возможности, за ночь перегруппировав силы, мы ждали, что приготовил нам день грядущий. И не ошиблись. Немцы решили вернуть утраченные позиции. Позавтракав и, видимо, хорошо дернув спиртного, они пошли в атаку. А у нас каждый патрон на счету, да еще надежды на гранаты. Четыре атаки пришлось отбить за день.

Но к вечеру мы выдохлись. Кончились боеприпасы. В строю осталось считанное количество людей. Уже пятую атаку практически отбивали гранатами. Но выстояли. А ночью нам пришла смена...

Собрали мы своих бойцов. Из 272 выступивших к переправе нас осталось 16. Конечно, не все погибли. Многие были ранены и, в последующем подлечившись, возвращались в свой батальон. Командир дивизии полковник С. А. Казак поблагодарил нас за стойкость. Многих представили к награде, в том числе и меня.

Иван СЛУХАЙ